

Б.Б. Пиотровский

Ванское царство (Урарту)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б11

Б11 **Б.Б. Пиотровский**
Ванское царство (Урарту) / Б.Б. Пиотровский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 338 с.

ISBN 978-5-458-39383-6

ISBN 978-5-458-39383-6

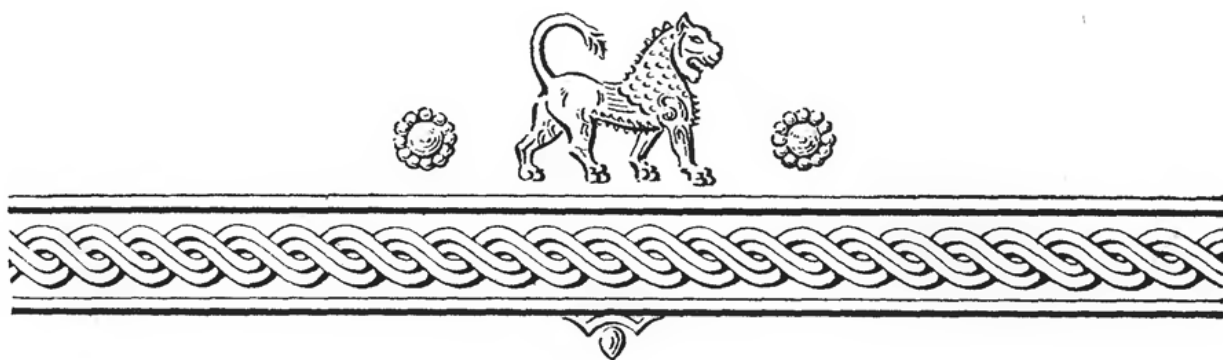
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Г Л А В А

I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВАНСКОГО ЦАРСТВА

Многие могущественные государства древности не только исчезли с лица земли, но время стерло даже память о них. Слава о других государствах, о которых сохранились письменные сведения или устные предания, продолжала жить, затмевая воспоминания об их соседях, в свое время ни в чем им не уступавших. И только земля хранила остатки древних исчезнувших культур, изучение которых может снова восстановить картину их былого могущества.

К таким забытым государствам относилось и древнее царство Урарту, занимавшее в первой четверти I тысячелетия главенствующее положение среди государств Передней Азии.

В начале XIX в. было обращено внимание на рассказ средневекового армянского историка Моисея Хоренского (I, 16) о постройке ассирийской царицей Шамирам (Семирамидой) большого города на восточном побережье оз. Ван. В приводимой Моисеем Хоренским легенде о Шамирам и Ара Прекрасном, в которой отзвуки исторических повествований тесно переплелись со сказочными мотивами, рассказывается о том, как Шамирам из Араратской (Айраратской) долины направилась на юг, в гористую часть страны.

«Объездив множество мест, достигает она Соленого озера с восточной его стороны и видит расположенную у берега продолговатую гору, по долине тянущуюся к западу, в северной части пологую, в южной же вздымающуюся к небу и обрывающуюся крутым утесом. К югу от него и к востоку от горы раскинулась обширная долина, переходящая в снижающееся к берегу озера ущелье, изобилующее питьевой водой, которая ручьями стекала с горы и сочилась из падей и расселин, а еще ниже, у подножия, красиво сочетаясь, сливалась в большую реку, слева и справа от которой по склонам находилось немалое количество поселений. К востоку от облюбованного ею холма высился другой, поменьше».

1 а. Западная часть Ванской скалы. Вид с юга

После этого краткого, но точного описания восточного побережья оз. Ван Моисей Хоренский приводит рассказ о постройке города царицей Шамирам:

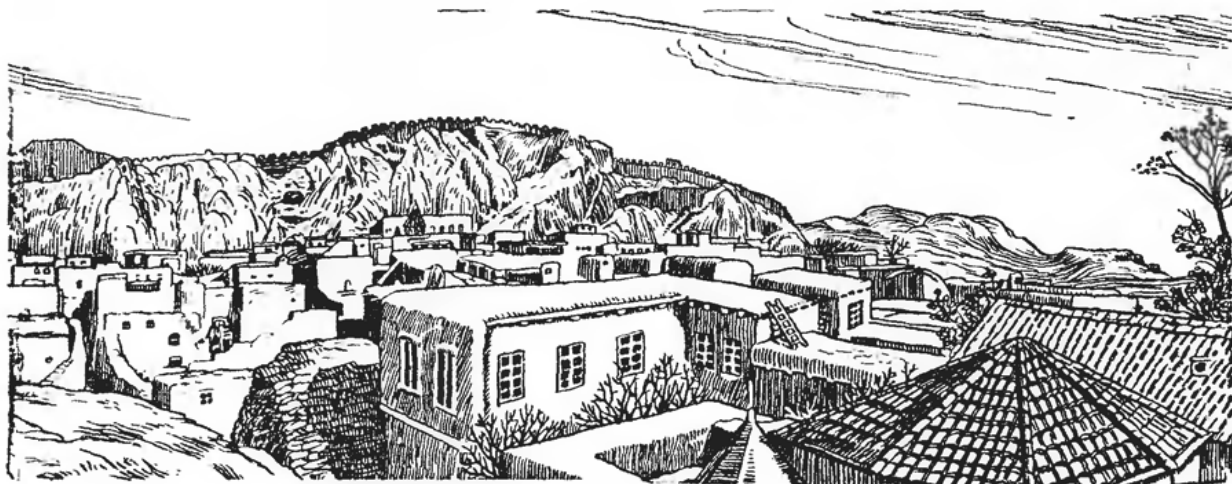
«Спустя немного лет завершает она дивное строительство — возведение крепчайших стен с медными воротами. В самом городе понастроила она множество роскошных зданий, с большим разнообразием в камне и цвете, в два и три этажа, при надобности с балконами. Мастерски распланировала она город широкими улицами. Выстроила посреди города прекрасные купальни, достойные удивления по своим удобствам. Часть реки отвела и распределила по городу на различные нужды и на орошение парков и цветников. Другая часть реки была отведена по правому и левому берегам озера для орошения пригородных земель. Восточные, северные и южные окрестности города украсила она усадьбами и тенистыми рощами плодовых и лиственных деревьев и насадила много пышных садов и виноградников. И много еще достопримечательного создала она в этой великолепной твердыне и населила ее множеством жителей. А все то чудесное, что сооружено было ею в нагорной части города, непостижимо для большинства людей и неопишимо. Опоясав стенами вершину, на которую никому не взойти и не взобраться, воздвигла она там царский дворец, таинственный и страшный. Как и что там сооружено, в точности ни от кого нам не довелось слышать, и мы не решаемся описать. Достаточно сказать, что из всех царских сооружений это, как мы слышали, считается самым величественным». Далее идет пространное описание пещерных помещений, высеченных в отвесной стене Ванской скалы, и загадочных клинообразных писем, встречающихся «во многих местах страны армянской».

В 1827 г., когда Французское азиатское общество командировало в Ванский район молодого ученого Шульца, ему было поручено обследовать и описать замечательные памятники Шамирам, о которых так подробно рассказывает Моисей Хоренский¹.

Прибыв после долгого путешествия в Ван, Шульц энергично принялся за работу. В то время город Ван был поистине музеем древностей. Внимание Шульца привлекли клинообразные письма на скале у входа в обширные помещения и в специально вырубленных нишах, а также на отдельных базальтовых камнях, которые были вложены в стены некоторых армянских церквей или частных домов.

Он стал тщательно копировать эти древние письма, и, хотя не имел представления ни о системе письма, ни об языке, копии его оказались очень точными. Ими долгое

¹ J. Saint Martin, *Notice sur le voyage littéraire de M. Schultz en Orient et sur les découvertes qu'il a faites récemment dans les ruines de la ville de Semiramis en Arménie* (JA, II, 1828), p. 161—188.

16. Восточная часть Ванской скалы. Вид с юга (С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 1, S. 128)

время пользовались ученые, работавшие над расшифровкой ванской клинописи. Шульц посетил и подробно описал Ванскую скалу. По крутой тропинке, огражденной стенами из сырцового кирпича, поднимался он к верхней площадке скалы. Редко для кого-нибудь из европейцев открывалась деревянная дверь, обитая металлическими пластинами, ведущая внутрь крепости, «гарнизон» которой состоял из старого янычара и прирученного медведя. В крепости находилось также несколько очень старых бронзовых пушек, имевших больше музейное, нежели военное значение. По-видимому, плохая укрепленность и была причиной запрещения доступа в крепость европейцам, и после посещения ее Шульцем турецкие власти туда никого не допускали. Вследствие этого описание Ванской скалы, приведенное Шульцем, до последнего времени остается единственным.

Работы Шульца были прерваны его смертью в 1829 г. В горах около Джуламерка он был убит курдами, а собранные им материалы доставлены во Францию и только в 1840 г. опубликованы секретарем Азиатского общества Молем². Издание это содержало 42 копии клинообразных надписей и подробное описание некоторых древностей, в частности помещений, высеченных в Ванской скале.

К этому времени стали уже известны и другие копии урартских надписей. Роулинсон еще в 1838 г. зафиксировал несколько таких текстов, а немецкие офицеры Мюльбах и Мольтке в 1840 г. обратили внимание на одну из надписей этого рода у сел. Изоглу³.

Археологические открытия 40-х годов XIX в. на берегах Тигра, в центре древнего Ассирийского царства, дали толчок дальнейшему изучению древнейшей истории Передней Азии.

С 1842 по 1844 г. французский консул в Мосуле Ботта производил раскопки холма Куюнджик на месте древней Ниневии и развалин дворца Саргона в Хорсабаде⁴. Откопанные стены дворцов оказались покрытыми многочисленными рельефами со сценами из жизни царя и его военных походов. Все эти изображения сопровождалось клинообразными надписями. Рисунки рельефов, выполненные художником Фландэном, и другие материалы, доставленные в Париж, вызвали всеобщий интерес к древностям Передней Азии.

² F. E. Schulz, *Mémoires sur le lac de Van et ses environs* (JA, IX, 1840), p. 257—323.

³ «Monatsberichte über die Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin», I, Berlin, 1840, S. 70—75.

⁴ E. P. Botta et E. Flandin, *Monument de Ninive*, I—V, Paris, 1847—1850.

2. Ванская скала. Хорхорские пещеры (С. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 622)

В 1845—1849 гг. Лэйард во время двух экспедиций произвел раскопки дворца Ашурнасирапала II на холме Нимруд (Калху)⁵ и продолжил оставленные французской экспедицией раскопки дворца Синахериба в Ниневии. Во дворце Синахериба Лэйард обнаружил клинописные таблички царской библиотеки Ашурбанипала, другая часть которой была найдена позже (в 1854 г.) во дворце Ашурбанипала.

Эти блестящие открытия оказали существенное влияние на ассириологию, сразу ставшую большой соперницей египтологии. Лэйард, путешествуя по центральной части Передней Азии, в 1850 г. заехал в Ван, где провел некоторое время, изучая клинообразные надписи и древности. Он подтвердил догадку Шульца о том, что одна из надписей на Ванской скале принадлежит Ксерксу, сыну Дария. Другую, высеченную на громадном угловом камне циклопической стены, у подножия скалы, он правильно определил как ассирийскую. Им же был опубликован план и разрез знаменитых пещерных помещений, у входа в которые находился пространный клинописный текст летописи царя Аргишти I. После Лэйарда Ван посетили многие путешественники и ученые. Интерес к древнему Ванскому царству возрастал с каждым годом.

В середине XIX в. значительно продвинулось вперед и изучение клинописи. Археологические материалы, собранные Ботта, Лэйардом и другими исследователями, содержали большое число ассирийских и вавилонских эпиграфических памятников. Расшифровка клинописи получила прочную основу, особенно после опубликования работы Роулинсона, в которой он подошел к ассиро-вавилонской клинописи от ранее расшифрованной персидской.

⁵ A. H. Layard, *Monuments of Nineveh*, London, 1849—1853.

Естественно, что клинообразные надписи из Ванского района на неизвестном языке вызвали живой интерес и попытки их расшифровать.

Первая работа по расшифровке ванских надписей была осуществлена Хинксом, опубликовавшим в 1848 г. специальную статью об этих надписях⁶. Но, кроме определения некоторых идеограмм, сходных с ассирийскими, работа Хинкса никаких серьезных результатов, продвинувших бы вперед понимание ванской клинописи, не дала.

Материал для исследования был крайне невелик, и работа по расшифровке приостановилась более чем на 20 лет, но вместе с тем началось интенсивное собирание и издание новых надписей, открывавшихся иногда случайными путешественниками⁷.

Наряду с собиранием новых клинообразных надписей на Армянском нагорье начались поиски клинописи и по всему Закавказью. В 1862 г. были открыты надписи у сел. Гапиджа, на левом берегу р. Ахурян (Арпачай), Кестнером⁸ и у сел. Элар епископом Эчмиадзина Месропом Смбатянцем, а в 1863 г. — надпись у Цовинарской (Келагранской) крепости, на южном берегу оз. Севан⁹.

С этого времени Месроп Смбатянец стал вести систематические работы по собиранию клинообразных надписей в Закавказье и начиная с 1869 г. опубликовывать их в эчмиадзинском журнале «Арагат»¹⁰; этими копиями долгое время пользовались и западноевропейские ученые.

Новые попытки расшифровки ванских надписей были предприняты в начале 70-х годов Ленорманом. Он связывал эти надписи с алародами (так, по-видимому, называл Геродот урартов) и пытался установить аналогии между языками этих надписей и грузинским¹¹.

Другого мнения придерживался Мордтман, видевший в языке ванских надписей армянский язык¹². Но, естественно, эти работы не дали положительного результата для дальнейшей расшифровки клинописи, так же как и работа де Робера, считавшего, что ванские надписи написаны на семитическом языке, близком к ассирийскому¹³.

Понимание клинообразных ванских надписей, называвшихся после работ Ленормана и Роулинсона алародийскими или урартскими, решительно подвинулось вперед только после исследования известного французского ассириолога Гюйара¹⁴. Он заметил, что заключительные строки многих урартских надписей имеют одинаковые знаки, и предположил, что в этих случаях имеется стереотипный текст угрозы тем, кто осмелится нарушить надпись. Сопоставления ассирийского текста этой формулы проклятия с урартским текстом дали возможность правильно установить значение некоторых урартских слов и грамматических оборотов.

Следуя по пути, указанному Гюйаром, английский ассириолог Сэйс продвинул вперед работы уже не по определению значения отдельных слов или фраз, а по переводу клинообразных урартских надписей, и в 1882 г. в журнале Британского азиатского

⁶ E. Hincks, *On the inscriptions of Van* (JRAS, IX, 1848), p. 387—449.

⁷ Библиографию по этим работам см. ClCh, I; И. И. Мещанинов, *Выдвигаемые яфетическим языкознанием вопросы в области изучения ванской клинописи* (ЯС, IV, 1925), стр. 72.

⁸ M. Brosset et A. Kunik, *Notice sur deux inscriptions cunéiformes, découvertes par M. Kästner dans l'Arménie russe* (BAS, V, 1862), p. 428—435 (перепечатано в журнале: МА, IV, p. 670).

⁹ «Համբարձար թուփոյ», 1863, № 53 («Вестник России», изд. Лазаревского ин-та в Москве).

¹⁰ «Արարատ» («Арагат»). 1869, № 27; 1881, № 604; 1883, № 53, 242, 354; 1884, стр. 18; 1885, № 116; 1886, № 25, 491; 1892, № 555; 1895, № 204; 1896, № 512; Մ. Սմբատեանց, *Տեղագիր Գեղարքունիքի զափարի* «Արարատ» (М. Самбатянец, *Описание области Гехаркуни*).

¹¹ F. Lenormant, *Lettres Assyriologiques*, I, Paris, 1871, p. 113—164.

¹² A. D. Mordtmann, *Entzifferung und Erklärung der armenischen Keilinschriften von Van und der Umgegend* (ZDMG, XXVI, 1872), S. 465—696; A. D. Mordtmann, *Über die Keilinschriften von Armenien* (ZDMG, XXXI, 1877), S. 406—438. — Мордтман так увлекся «переводами» ванских надписей при помощи армянского языка, что пытался даже надпись Сардури I понять таким путем, несмотря на то что уже Лэйард правильно определил ее как ассирийскую.

¹³ L. de Robert, *Étude philologique sur les inscriptions cunéiformes de l'Arménie*, Paris, 1876.

¹⁴ S. Guyard, *Les inscriptions de Van* (JA, XV, 1880), p. 540—543. — Дальнейшие его работы опубликованы в том же журнале в 1883 и 1884 гг., а также в сборниках: «Mélanges d'Assyriologie», X, Paris, 1883.

общества появилась его первая сводка известных в то время надписей, снабженная переводами¹⁵.

В некоторых частях эта работа и до сих пор не утратила ценности, особенно издание текстов. Сэйс в течение своей долгой жизни не прекращал собирать урартские тексты и публиковать их в том же журнале. Только после издания Сэйсом урартских клинообразных надписей они могли войти в научный обиход специалистов по истории древнего Востока.

Дальнейшим шагом в разработке клинописи явились исследования австрийского ученого Мюллера, издавшего надпись из Ашотакерта (Ашрут-Дарга)¹⁶.

Работа над урартской клинописью и языком производилась теперь специалистами-кунеологами, преимущественно ассириологами, и на долю любителей оставалось только собирание надписей. К этому времени значительно увеличилось и число урартских эпиграфических памятников, открытых в Закавказье.

В 1875 г. была опубликована открытая еще в 1863 г. Атамханская надпись с юго-западного берега оз. Севан, вырубленная из скалы и перевезенная в Кавказский музей (ныне Государственный музей Грузии)¹⁷.

В изучении урартской клинописи деятельное участие принял и известный арменист К. П. Патканов, публиковавший совместно с Сэйсом отдельные надписи¹⁸ и давший первую сводную работу по урартским надписям, найденным на территории России¹⁹.

Так же как и в Западной Европе, в России урартская клинопись изучалась оторванно от археологических работ.

Значительное влияние на развитие археологического изучения Закавказья оказал V археологический съезд, созданный в 1881 г. в Тифлисе.

В план своих работ подготовительный комитет съезда включил раскопки Армавирского холма, где ранее были найдены урартские надписи. В 1880 г. А. С. Уваров и А. Д. Ерицов копали в Армавире в поисках урартских памятников и в первую очередь надписей²⁰. Обнаружив остатки построек урартского времени и не найдя развалин монументальных зданий, они признали открытый культурный слой относящимся к средневековью, пройдя таким образом мимо того, что они искали.

На археологический съезд собралось около 400 делегатов, среди которых были и крупные иностранные ученые, как Вирхов и Шантр.

Особое внимание съезд уделил исследованию влияния античного мира и древнего Востока на Кавказе. Так, В. Ф. Миллером были разобраны кавказские параллели к классическому мифу о Прометее. Н. О. Эмин анализировал армянскую легенду о Шамирам. Вопрос об урартских письменных памятниках был на этом съезде затронут К. П. Паткановым²¹.

Для развития кавказской археологии V археологический съезд имел исключительное значение. Съезд возбудил интерес к древностям Кавказа не только в среде западноевропейских и русских ученых, но и в широких кругах кавказской интеллигенции.

Начались интенсивные раскопки, главным образом могильных памятников, производившиеся как иностранцами (Ж. де Морганом и Бельком), так и представителями

¹⁵ A. H. Sayce, *The cuneiform inscriptions of Van* (JRAS, XIV, 1882), p. 377—732 (57 надписей).— Дополнения печатались в том же журнале: XX, 1888; XXV, 1893; XXVI, 1894; XXXIII, 1901; XXXVIII, 1906; XLIV, 1912; LXI, 1929 и LXIV, 1932.

¹⁶ D. H. Müller, *Die Keilinschrift von Aschrut-Darga* (DWAU, XXXVI, 1888).

¹⁷ «Записки Общества любителей кавказской археологии», I, Тифлис, 1875; Г. Радде, *Краткий очерк истории развития Кавказского музея*, Тифлис, 1891, стр. 21.

¹⁸ K. Patkanoff, *Quelques inscriptions de Van*. Musée, I, Paris, 1882, p. 541; II, 1883, p. 359.

¹⁹ К. П. Патканов, *О клинообразных надписях ванской системы, открытых в пределах России* (ЖМНП, 1883).

²⁰ А. С. Уваров, *Исследования местности развалин Армавира* («Протоколы подготовительного комитета к V археологическому съезду», М., 1882), стр. 439—448.

²¹ К. П. Патканов, *Клинообразные надписи* («Труды V археологического съезда», М., 1887), стр. 115—122.

русских научных организаций (Археологической комиссии и Московского археологического общества — Н. Я. Марром, А. А. Бобринским, Э. Реслером, А. А. Ивановским и А. С. Уваровым). Из кавказских ученых особенно деятельное участие в археологическом изучении Закавказья приняли А. Д. Ерицов и Е. С. Такайшвили.

Известный русский ассириолог М. В. Никольский, активный член Московского археологического общества, специально занялся урартскими надписями, открытыми в Закавказье²². В 1893 г. он посетил Армению для изучения надписей на месте, так как не все доставленные ему копии были удовлетворительны. Вместе с М. В. Никольским в Закавказье был командирован А. А. Ивановский со специальным заданием обследования археологических памятников, связанных с урартскими надписями. Это была первая совместная работа специалиста по клинописи с археологом, и она дала плодотворные результаты.

А. А. Ивановскому удалось обнаружить ряд древних памятников, главным образом крепостей²³. В одном из таких древних поселений (в Ташбуруне, на северном отроге Арарата) А. А. Ивановский произвел раскопки и открыл остатки большого здания.

В 1896 г. М. В. Никольским была переиздана сводка урартских текстов Закавказья; во многих случаях ему удалось исправить прежние неточные копии надписей и снабдить их переводами²⁴. Эта работа и до сих пор не утратила своего значения, хотя переводы текстов устарели. М. В. Никольский не производил полевых сборов урартских эпиграфических памятников, он только сличал копии ранее известных надписей с подлинниками с целью их уточнения.

Собирание клинописей и их первичное издание (без переводов) находилось в руках местных исследователей. В этом отношении мы многим обязаны монаху Галусту Тер-Мкртчяну и Месропу Смбатянцу.

Но кроме Эчмиадзина, резиденции католикоса Армении, собирание и издание клинописей производилось также и в ученых армянских объединениях Западной Европы. Так, венецианская конгрегация мхитаристов провела большую работу по изучению истории Армении. С 1843 г. она стала издавать журнал «Базмавэп» («Բազմաշիկ»), существующий доныне, в котором печатались статьи, посвященные урартским древностям. В труде Нерсеса Саргисяна «Описание Малой и Великой Армении», изданном в 1864 г., были приведены четыре урартские надписи, а также планы и описания помещений, высеченных в Ванской скале²⁵. Клинообразные надписи воспроизводились также Гевондом Алишаном в его работах, посвященных отдельным районам Армении²⁶, а в 1900 г. в Венеции была издана сводка урартских надписей, составленная константинопольским священником И. Сандаджяном²⁷.

В 1811 г. наряду с венецианским возник второй центр мхитаристов — в Вене, издававших с 1887 г. журнал «Хандэс Амсорья» («Հանդես Ամսօրեայ»). В этом журнале, как и в отдельных изданиях венских мхитаристов, нередко затрагивались вопросы дохристианского периода истории Армении.

Научная работа, проводившаяся мхитаристами, оказала существенное влияние на развитие западноевропейской арменистики.

Как в Западной Европе, так и в России изучением урартского языка занимались крупные востоковеды, но не лингвисты, потому что в то время урартский язык еще не

²² М. В. Никольский, *Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России* (ДВ, I, 3, 1893).

²³ А. А. Ивановский, *По Закавказью* (МАК, VI, 1911).

²⁴ М. В. Никольский, *Клинообразные надписи Закавказья* (МАК, V, 1896).

²⁵ Հ. Մարգարյան, *Տեղագրութիւնի փոքր և խոշ Զաւր*, 1864 (Н. Саргисян, *Описание Малой и Великой Армении*).

²⁶ «Հիրապ» («Ширак»), Վենետիկ, 1881; «Այրարատ» («Айрапат»), Վենետիկ, 1890; «Սիսական» («Сисакан»), Վենետիկ, 1893.

²⁷ J. Sandaljian, *Les inscriptions cunéiformes urartiques*, Venise, 1900.— Дополнения к этому труду помещены в журнале «Հանդես Ամսօրեայ», 1913.

стал самостоятельной отраслью знаний. В Европе это были Сэйс, Леман-Гаупт²⁸, Шейль²⁹, Морган, в России — М. В. Никольский и В. С. Голенищев³⁰.

Наряду с серьезными научными исследованиями появились работы кавказоведов, содержащие часто очень интересный материал и наблюдения, но не всегда отражающие современный им уровень знаний в области разработки клинописи.

Так, М. Г. Джанашивили пришел к заключению, что язык ванских (алародийских) надписей не что иное, как грузинский³¹, высказав по существу старое и давно оставленное мнение.

А. К. Глейе пытался составить грамматику урартского языка на основании языкового материала горских племен Кавказа³².

Такие попытки сопоставления урартского языка с рядом кавказских или же с одним из них встречались неоднократно. Зачастую даже позднее они носили совершенно ненаучный характер (например, работа о родстве урартского языка с удинским)³³.

Из работ арменистов, занимавшихся урартским языком, следует упомянуть статьи Г. А. Халатьянца, посвященные связи армянской топонимики с урартской, и Л. З. Мсерианца, разбиравшего некоторые вопросы армянского и урартского языков³⁴. Урартский материал широко использовался также К. Басмаджяном, издававшим в Париже журнал «Банасэр» («*Բանասեր*»), в котором публиковались эпиграфические памятники Ванского царства.

Естественно, в работах по древнейшей истории Армении использовался материал Урартского государства. Проблема происхождения армян и заселения ими областей Закавказья рассматривалась некоторыми учеными с миграционной точки зрения, что подкреплялось и антропологическими исследованиями, не без основания показывавшими существенные антропологические различия между армянами и древним населением тех областей, в которых ныне живут армяне. В этих исследованиях, однако, не учитывалось то обстоятельство, что предки современных закавказских народов в древности жили на другой территории.

Но в научной литературе уже давно встал вопрос и о генетическом родстве армян с урартами, вопрос, который нельзя было обойти в общих трудах по истории Армении³⁵.

Несмотря на то что история Урарту стала частью истории древнего Востока³⁶, урартские тексты оставались все еще неполноценным источником.

Не было уверенности в правильности предлагаемых переводов. Идеограммы, заимствованные урартами у ассирийцев, позволили уловить общий смысл надписей, но грамматика и структура языка оставались еще неясными. Урартские клинообразные надписи были расшифрованы настолько, насколько это могли сделать ассириологи.

²⁸ Во время экспедиции в Армению Леман-Гаупт и Бельк собрали большое количество урартских надписей [см. «*Bericht über die Ergebnisse der von Dr. W. Belck und C. F. Lehmann 1898—1899 ausgeführten Forschungsreise in Armenien*» (SPAW, 1900)].

²⁹ V. Scheil (et J. de Morgan), *La stèle de Kelischin* («*Rec. de trav.*», XIV, 1893), p. 153; V. Scheil (et J. de Morgan), *Inscription vannique de Melazgert* («*Rec. de trav.*», XVIII, 1896) p. 75.

³⁰ В. С. Голенищев, *Надпись древневанского царя Русы II* (ЗВО, XIII, 1901), стр. 1.

³¹ Доклад «О древней истории Грузии по клинообразным надписям» («Изв. КОМАО», I), протокол, стр. 14; см. также: ЗКОРГО, XXIV, 5, стр. XXXVI.

³² А. К. Глейе, *Опыт решения ванского (урартского) вопроса* (СМОМПК, XXXVII, 1907).

³³ А. Папаязат, *Ключ халдского языка*, Эривань, 1936.

³⁴ Г. А. Халатьянц, *О некоторых географических названиях древней Армении в связи с данными Ванских надписей* (ДВ, II, 2, 1901), стр. 120—131; Л. З. Мсерианц, *К интерпретации ванских надписей* («Сборник статей в честь Ф. Е. Корша», 1896), стр. 391—399; Л. З. Мсерианц, *О так называемых «ванских» (урартских) лексических и суффиксальных элементах в армянском языке* («Труды XI археологического съезда», II, М., 1902), стр. 9—11.

³⁵ J. Sandaljian, *Histoire documentaire de l'Arménie*, I—II, Rome, 1917; Գ. Բանասերյան, *Ինքնակապակցութիւն Տարրիչ*, 1914 (К. Басмаджян, *Подлинная история Армении*); Լեւոն Հալատյան, *Բանասեր*, 1917 (Лео, *История Армении*).— Урартский материал использован также в статье Халатьянца: B. Chalatzianz, *Der Ursprung der armenischen Fürstentümer* (WZKM, XVII, 1903), S. 60—69.

³⁶ G. Maspero, *Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique*, III, Paris, 1889, p. 14—22, 53—69, 102—121, 143—156, 237—252.

Понимание структуры урартского языка продвинулось вперед благодаря работам Н. Я. Марра, приступившего к разбору клинописи на основе кавказских языков, чего не могли сделать ассириологи, владевшие лишь семитическими языками. Он отказался от делавшейся ранее попытки понять структуру урартского языка, исходя из какого-нибудь одного кавказского языка, и подошел к ванским надписям с нормами, общими для большой группы языков Кавказа³⁷. В частности, Н. Я. Марр разъяснил пассивную конструкцию в урартском языке.

Исследования Н. Я. Марра, посвященные урартской клинописи, были продолжены И. И. Мещаниновым, которым была составлена сводка высказываний Н. Я. Марра об урартском языке³⁸. В ряде статей, помещенных в «Докладах» и «Известиях Академии наук СССР», И. И. Мещанинов, пользуясь коллекцией фотографий, хранившихся в Яфетическом институте, издавал и переиздавал урартские надписи.

Этот богатый архив фотографических снимков явился результатом интенсивной работы русских ученых по собиранию эпиграфических памятников на турецкой территории, занятой русскими войсками в 1915—1917 гг.³⁹

В 1915—1916 гг. в Ванском районе работали С. В. Тер-Аветисян (по поручению Академии наук) и от Кавказского музея — А. Н. Казнаков, доставившие в музей не только эстампажи и фотоснимки, но и 20 подлинных надписей. Фотографии с последних, выполненные Б. Н. Шаховским, были переданы в 1917 г. в Московское археологическое общество.

В 1916 г. И. А. Орбели, участвовавший в экспедиции Русского археологического общества, раскопал в нише Ванской скалы «Хазине-капуси» большую стелу, клинописный текст летописи Сардури, сына Аргишти⁴⁰. Этот замечательный памятник по своему значению и размеру может сравниться только с анналами Аргишти, сына Менуа, высеченными на южной стороне Ванской скалы.

Фотографии с урартских памятников во время поездок в Турцию выполнял А. В. Лядов, сопровождавший А. А. Бобринского в 1916 г., а А. А. Флоренский, кроме снимков, доставил в Москву камень с надписью из Леска, хранящийся ныне в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина⁴¹.

Памятники урартской эпиграфики, собранные во время войны в Западной Армении и поступившие в Музей Грузии, были опубликованы в издании, подготовленном Г. В. Церетели⁴². В Музее Грузии хранится также богатая коллекция эстампажей и гипсовых сленков урартских надписей.

После окончания первой мировой войны Леман-Гаупт приступил к разработке громадного материала по урартской клинописи, собранного им совместно с Бельком. В 1928 г. вышел в свет первый выпуск свода урартских надписей⁴³. Леман-Гаупт, который, сознавая несовершенство своих переводов, ограничился изданием лишь фотографий памятников (или эстампажей с них) и транскрипции.

В 1928 г. в изданиях Гейдельбергской Академии наук появилась работа М. Церетели. Автор давал перевод летописи Сардури, пытаясь подойти совершенно по-новому к урартской грамматике⁴⁴. Большое значение в этой работе имело установление в урартском языке строгого разграничения переходного и непереходного глаголов.

³⁷ Н. Я. Марр, *Надпись Русы II из Маку* (ЗВО, XXV), стр. 1; Н. Я. Марр, *Материалы по халдской эпиграфике из командировки И. А. Орбели в Турецкую Армению* (ЗВО, XXIV), стр. 97.

³⁸ И. И. Мещанинов, *Халдоведение* («Изв.ООИА», X, 1927); И. И. Мещанинов, *Язык ванских клинописных надписей на основе яфетического языкознания*, I, Л., 1932.

³⁹ J. Meščaninov, *Die neuen Ergebnisse der chaldischen Forschungen* (АО, VI, 1931), S. 202—205.

⁴⁰ Н. Я. Марр и И. А. Орбели, *Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван*, Пг., 1922.

⁴¹ Н. Я. Марр, *Халдская клинообразная надпись из села Леска Ванского округа* («Изв. АН», 1915), стр. 1731—1733.

⁴² Г. В. Церетели, *Урартские памятники Музея Грузии*, Тбилиси, 1939.

⁴³ CICH, I.— При участии Ф. Багеля и Ф. Шахермейера; второй выпуск вышел в 1935 г.

⁴⁴ M. Tseretheli, *Die neuen haldischen Inschriften König Sardur von Urartu* (SPAW, V, 1928); M. Tseretheli, *Études ourartéennes* (RA, XXXIII, 1936), p. 117—141.

В дальнейшем это было развито и детально разработано Фридрихом, составившим заново грамматику урартского языка⁴⁵. Разграничение переходного и непереходного глаголов помогло разрешить многие неясности. Так как эти глаголы имели совершенно различные суффиксы, то при старом понимании происходила путаница первого и третьего лица.

Работой, закрепившей новые шаги в изучении урартской клинописи, явилось исследование Гётце, посвященное Келяшинской стеле, урарто-ассирийской двуязычной надписи⁴⁶. Несмотря на то что основной урартский текст не совпадал дословно с ассирийским, Гётце удалось проверить и заново установить значение ряда урартских слов и уточнить грамматические формы. Новые работы в области изучения языка ванских клинописей получили надежное подтверждение; становилось ясным, что новый путь избран правильно, несмотря на то что указанные работы вызвали резкую, но недостаточную аргументированную критику Леман-Гаупта, не желавшего отказываться от старой схемы Сэйса.

Большую работу по исследованию урартского языка, особенно грамматики, провел И. И. Мещанинов, опубликовавший результаты своих многолетних исследований в книге «Язык ванской клинописи» (т. II), изданной в 1935 г. Академией наук СССР. Эта книга наряду с работами Фридриха значительно продвинула вперед плодотворное изучение урартской клинописи. В 1958 г. И. И. Мещанинов опубликовал первый выпуск грамматики урартского языка⁴⁷.

Интересные и важные результаты были получены лингвистическими исследованиями, производившимися с учетом связи урартского языка с другими языками древнего Востока, в частности с хурритским (Шпейзер, Фридрих) и хеттским (Г. А. Капанцян)⁴⁸.

После второй мировой войны на территории Армянской ССР, при раскопках на Кармир-блуре и Арин-берде были открыты новые и весьма интересные урартские эпиграфические памятники. История Урарту, древнейшего из некогда существовавших в Закавказье государств, при распаде которого ускорился процесс образования армянского и грузинского народов, заняла важное место в учебниках по истории народов СССР. Кроме учебников, появилась и большая научно-популярная литература по культуре Урарту.

В сборниках «Эпиграфика Востока», издаваемых Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР, систематически публиковались новые и переиздавались ранее известные памятники урартской письменности (статьи И. М. Дьяконова, Б. Б. Пиотровского и Н. В. Арутюняна). Вопросам истории и культуры Урарту значительное место уделит журнал «Вестник древней истории». В нем заострялось внимание на исследовании социально-экономических вопросов истории и культуры Урарту (Г. А. Меликишвили, И. М. Дьяконов, В. С. Сорокин, С. М. Бациева). В 1951 г. в приложениях к журналу была напечатана сводка всех известных об Урарту из ассирийско-вавилонских источников, выполненная И. М. Дьяконовым⁴⁹. Новые переводы этих сведений на русский язык значительно облегчили их использование в исторических работах. В 1953 и 1954 гг. также был напечатан свод урартских надписей, подготовленный к печати Г. А. Меликишвили⁵⁰. Все урартские надписи приведены в этом издании в тран-

⁴⁵ См. работы Фридриха: J. Friedrich, *Beiträge zur Grammatik und Lexicon des chaldäischen Caucasica*, VII, 1931, S. 53—86; VIII, 1931, p. 114—150; *Zur urartäischen Nominalflexion* (ZA, VI, 3—4, 1931); *Zur urartäischen Lexikon* («Archiv Orientalni», IV, 1, 1932); *Einführung ins urartäische. Grammatischer Abriss und ausgewählte Texte mit sprachlichen Erläuterungen* (MVAG, XXXVII, 3, 1933).

⁴⁶ A. Götze, *Zur Kelischin Stele* (ZA, V, 1—3, 1929), S. 99—128.

⁴⁷ И. И. Мещанинов, *Грамматический строй урартского языка*, I, Л., 1958.

⁴⁸ E. Speiser, *Studies in Hurrian grammar* (JAOS, LIX, 3, 1939), p. 323; J. Friederich, *Kleine Beiträge zur churritischen Grammatik*, 1939, S. 56—62; Г. А. Капанцян, *Общие элементы между урартским и хеттским языками*, Эривань, 1936.

⁴⁹ АВИУ

⁵⁰ УКН.